КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ — СРЕДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ

История Кавказских войн XIX века и тема захватнической колониальной России является чуть ли не нормативным клише исторического мышления отечественного либерала-западника, неутомимо воспроизводящего не что иное как ленинскую большевистскую нигилистическую интерпретацию русской истории. Она же имеет за собой почтенную историческую давность, восходя к Салтыкову-Щедрину, Белинскому и Чаадаеву и всем поколениям вечно ненавидящей и презирающей «образованной интеллигенции».

Раскаяние в губительном равнодушии к Отечеству ощутили русские только в эмиграции XX века. Полные горечи суждения о сознании российского общества оставил Е.В.Спекторский, бывший ректор Киевского Свято-Владимирского университета. Если в Европе внешняя политика всегда в гармонии с общественным мнением, «которое при всем расхождении в оценке внутренних проблем по вопросам национальных интересов едино, различаясь лишь в методах, то «у нас же… интеллигенция под мощной сенью двуглавого орла позволяла себе роскошь равнодушия или брезгливости… злорадно принимала злостные легенды о русской внешней политике. Особенный успех имело утверждение, что наше государство было ненасытным захватчиком и европейским жандармом».

Но постсоветский либерал, еще более чем во времена Пушкина «ленивый и нелюбопытный» в отношении собственной истории, повторяет лишь русофобские штампы Энгельса из его «Внешней политики русского царизма», суждения К. Маркса о русской политике везде и на Кавказе, заимствованные, как показывает анализ его источников, исключительно из британской публицистики времен Крымской войны, авторами которых, как правило, были капитаны британских кораблей, осаждавших Севастополь. Созданный борзописцами образ России — угнетательницы кавказских народов, приправленный злодеяниями сталинского режима, выселившего невинных чеченцев, не выдерживает никакой исторической проверки.

Кавказская война XIX века началась вовсе не в связи с попыткой России «завоевать» Кавказ. Кавказ вошел в состав России много раньше и в основном по добровольному согласию. Посольства от адыгов, кабардинцев, аварцев, народов Дагестана и осетин, с челобитными, чтобы «их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопи, а от крымского хана оборонил», поступают с XVI века от народов, стремящихся найти защиту у

России от турок и персов, загнавших эти народы в свое время в горы, постоянно грабивших их и угонявших в рабство. Первые русские крепости на Северном Кавказе, в частности Терский городок, были построены в начале второй половины XVI века именно по просьбе влиятельных северокавказских владетелей.

Добровольные присягания на верность и подданство кавказских общин и владетелей есть исторический факт, как и даже нередко повторяющееся предложение «креститица». Медленное течение этого процесса, растянувшегося на два века, объясняется просто. Россия не искала в этих регионах материальных выгод или земли, а лишь укрепления перед давящих на нее, как впрочем и на всю Европу, Османской империи и Персии.

Другой причиной, осложнявшей процесс, были устойчивые междоусобицы между кавказскими князьями, которые сами стремились войти под эгиду России, но часто резко возражали, когда это же делали их соседи-соперники. Россия уклонялась от их тяжб и попыток втягивания ее в борьбу с иранскими шахами и султаном, каждый раз поручая своим посольствам на месте проверить обстоятельства — «правды их видети». Несмотря на прошения дагестанских князей, Россия, будучи в состоянии мира с шахом, признавала за дагестанскими правителями «обчее холопство» Ирану и Москве — то есть двоеданничество. Нежелание обострять отношения с Персией и Оттоманской империей, а, начиная с середины XVIII века, и с западными странами, также побуждало к осторожности. Стоило кавказскому командованию поддержать одну из группировок кавказских владетелей по их просьбе, как другая начинала искать поддержку у Порты или Крыма. Все это типично для исторического процесса формирования государств и наций, мало чем отличающегося от западноевропейской истории.

Не имеет аналогов в европейской истории другое. Никакого завоевания земли, сгона населения и насильственного насаждения своего языка, что сопровождало всегда западноевропейское расширение, при этом не было. Терский городок стал местом не устрашения, а защиты. К концу XVII века «под сенью дружеских штыков» к его стенам прилепились «слободы великие»: «Черкасская», «Окоцкая», «Татарская» — с населением, в три раза превосходившим русское. Если в британской Индии мальчишка-англичанин, войдя в вагон мог вытолкать взашей семью раджи, то дочь кабардинского князя Темрюка Идарова, много сделавшего для будущего вхождения Кабарды в Россию, княжна Кученей, во святом крещении Мария, в 1561 году стала русской царицей — женой Иоанна Грозного.

Даже советская историография времен большевистской школы Покровского, называвшего Александра Невского классовым врагом, а Наполеона — освободителем, и развенчивавшая тюрьму народов, не

приводила признаков национального или религиозного гнета, а обличала в сохранении в неизменности порочных порядков и власти местных феодалов.

Однако Кавказ принадлежит к таким геополитическим точкам, которые определяют соотношение сил. Европа и Турция не волновались освоением русскими Ленской губы, но выход России к Черному морю превратил кавказские проблемы в предмет весьма заинтересованного участия и беспардонных интриг всей цивилизованной Европы. Как только Россия испытывала осложнения на Западе (польско-шведская интервенция в XVII веке), усиливалось на нее и на кавказские народы давление Ирана, претендовавшего на Дагестан, который сохранял устойчивую пророссийскую тягу в течение веков, подтвержденную верностью дагестанцев России в XX веке. Оттоманская Порта и ее вассал — Крымское ханство — препятствовали сближению Предкавказья — Кабарды с Россией, что особенно проявилось, когда Турция укрепилась в XVIII в Закавказье.

В свою очередь, на пороге Нового времени постоянным подстрекателем Крыма и горцев против России были поляки, которые до всяких разделов в течение четырех веков, с Болеслава Смелого до Сигизмунда, неустанно стремились на Восток. Польша была заинтересована в ослаблении России и всегда рассматривала султана и Крымское ханство как потенциальных союзников за Малороссию. Случаи, когда обстоятельства вынуждали Польшу идти на антиосманские договоренности с Россией, крайне редки — в конце XVII века. Франция, особенно при Наполеоне, который задумал взять под своей контроль оба побережья Средиземного моря, рассматривала Россию как соперницу на Ближнем Востоке и была заинтересована в сохранении Портой своего господствующего положения на Черном море и была весьма активна против России на южном направлении ее политики.

Не желая осложнений с державами и понимая, какой язвой был Кавказ, Павел I не стал окончательно оформлять присоединение Кавказа и Закавказья, предпочитая «устойчивую «горскую федерацию», — буфер, который бы успешно выстоял против «покушающихся врагов». Это так же мало соответствовало кавказской действительности и мировой геополитике двести лет назад, как и сегодня. После присоединения Крыма и вхождения Грузии стало ясно, что удержаться в качестве черноморской державы, не имея в тылу Кавказа, невозможно. Но с момента утверждения России на Черном море, подрыв южных рубежей России стал константой стратегии владычицы морей — Британии.

До сих пор закрыты внешнеполитические архивы в Англии, в которых по единодушному суждению историков кроется британский след за убийством в Персии А.Грибоедова, заключившего в 1929 г. важный Туркманчайский

договор с Ираном, после чего русское влияние в Персии было принципиально утверждено.

В 1833 году был заключен Ункиар-Искелесийский договор России с Турцией о совместном контроле проливов — кульминация русских успехов в восточном вопросе. Этот договор, достигнутый дипломатическими, а не военными средствами, не нацеливающий на чужие территории, вызвал негодование Франции и Англии, которые в ноте к Турции отказались с ним считаться и начали создавать коалицию, пытаясь втянуть в нее Австрию. В целом, это достижение столь очевидно показало западным державам перспективу превращения России в неуязвимую геополитическую силу, что движение к Крымской войне представляется естественным. Именно тогда Англия начинает открытую помощь горцам Кавказа против России, о чем свидетельствует конфликт из-за захваченной у берегов Черкессии британской шхуны «Виксен», выгружавшей оружие для «черкесов».

Вот геополитический фон, на котором надо рассматривать Кавказскую войну, которая началась не из-за уже ставшего историческим факта присоединения Кавказа, а в связи с действиями российских властей в новой обстановке, вступивших в конфликт, среди прочего, с интересами Северо-Кавказских владетелей, связанных с Персией и Турцией, за которыми стояла Британия. Литература по кавказоведению неизменно указывает на особую разобщенность общин именно у горных чеченцев и ингушей и наибольшую сложность их взаимоотношений с другими кавказскими общинами и князьями. Однако чеченцы и ингуши добровольно вошли в состав России. Именно с началом русско-турецкой войны Чечня и Ингушетия вновь подняли вопрос о принятии их в российское подданство. В 1768 году «со своими детьми и народом» повторно присягнул Али-Султан Казбулатов. В 1770 году 24 ингушских старейшины во главе с Гарси Чопановым и Сурховом Мирзахановым явились в Кизляр к коменданту генералу И.Немичу с «доношением» как «присланные от всего народа их общества», в котором говорилось, что они имеют «усердное желание поступить в вечное е.и.в. подданство» и желают все «генерально криститца».

Деятельность и идеи мюридизма имама Шамиля, последователя тариката накшбенди (ступень суфизма), имели свои взлеты и падения. Судя по документам и исследованиям, движение горцев во многих районах, направленное против кавказских же местных владетелей и общин, имело прежде всего ярко выраженный социальный и религиозный характер. Но именно в Чечне на первое место выдвинулась «антиколониальная борьба против царских властей». После первого периода войны с его успехами и итоговым поражением Шамиль бежал в горную Чечню.

Ссылки по теме: Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией

Горные чеченцы никого не любили и торговали одинаково как русскими невольниками, так и кавказскими рабами. Именно о них, и только о них, а не о других кавказских народах и не о равнинных — «плоскостных» чеченцах, занимавшихся хозяйственной деятельностью, Ермолов писал как о разбойниках и грабителях, укрывавших у себя всякого, кто бежал от правосудия — прежде всего не только царского, но и кавказского. Шамилю приходилось куда более жестоко, чем генералу Ермолову, вырезать целые аулы и кланы. В Дженгутае он сжег дворец Ахмед-хана Мехтулинского, угрожал Темир-Хан-Шуре, уничтожил в ряде селений «греховодную знать». В Гидатле были истреблены «16 почтеннейших людей», истреблена также знать Андаляля, Кадиба, Соситля и многих других селений. Мюридам приходилось оружием и убийствами насаждать шариат и теократические порядки имамата. На Кавказе не было ни общекавказского национального самосознания, ни основ для объединения раздираемых междоусобицами общин, соперничающих за рынки работорговли, даже под знаменем мюридизма

Опыт Кавказской войны нельзя трактовать как исключительно негативный: ибо за победой российской власти последовал самый длительный мирный период в этом всегда бурлившем регионе. Однако этот период дает назидательное представление о константах мировой политики вокруг этого региона, вызывает яркие аналогии с сегодняшним международным спектаклем вокруг чеченской темы, что должно было бы побудить к исторической ответственности.

Закат дела Шамиля и приближавшаяся русская победа примечательно совпадают с началом неудачной для России Крымской войны. В Британии наиболее радикальные круги, в частности лорд Пальмерстон, открыто ставили цель отторжения от России Крыма и Кавказа и создания марионеточного государства «Черкессия». «Таймс» открыто писала, что «граница России на Кавказе должна проходить к северу от Терека и Кубани». Предполагалось отторгнуть от России все Закавказье: Грузию, Армению, Мингрелию, Имеретию — возвратить Ирану и Турции все части, что присоединены были Гюлистанским и Андрианопольским договорами.

В стремлении использовать против России кавказских горцев участники крымской коалиции сразу нашли общий язык. Турецкое и англо-французское командование пытались установить связи с горцами. В «совете союзных держав» было решено с помощью Османской империи и Шамиля комбинированным ударом — с фронта и тыла — разгромить русские войска на Кавказе и отбросить их за Кубань и Терек. К горцам были отправлены

тысячи османских и английских эмиссаров с воззваниями и письмами, призывавшими к «священной войне» против России.

Вопрос о «независимой Черкессии» пытались ставить на Парижском конгрессе, где вырабатывались итоги Крымской войны (других форумов вроде Совета Европы, к счастью, еще не было). Примечательно, что именно после падения Севастополя — русской военно-морской твердыни — английские уполномоченные по переговорам немедленно заговорили об отторжении от России Закавказья и Северного Кавказа. Граф А.Ф.Орлов сумел отклонить все притязания, опираясь на трактаты, заключенные Россией.

Поражение английской дипломатии по северокавказскому вопросу на Парижском конгрессе по итогам проигранной Россией Крымской войны вызвало бурю негодования в Англии. В парламенте обвиняли министерство иностранных дел (совсем как в датском парламенте из-за Закаева), а некоторые ораторы не желали ратификации Парижского мира и настаивали на продолжении войны, потому что северокавказские проблемы (которые даже не были формальной причиной и поводом к войне) не были решены в пользу Британии.

Однако придать новый импульс горскому движению уже не удалось. Шамиль не спешил выполнять призывы к совместным действиям и сразу заслужил откровенное суждение английского посла в Константинополе как о «фанатике и варваре, с которым не только нам, но и Порте будет трудно установить какие-либо достойные уважения отношения». Кавказская война закончилась победой России, но тут же началась дипломатическая война, которая эксплуатировала кавказскую тему на удивление схоже с нынешней ситуацией.

Роль османских и английских эмиссаров на Кавказе резко активизировалась после пленения в 1859 году Шамиля. В Лондоне и Константинополе были созданы «черкесские комитеты» под флагом защиты «независимой» Черкессии. Они были тесно связаны с парижским центром польской эмиграции, яростно интриговавшей против России. Не стоит удивляться поэтому ни сегодняшним комитетам в защиту Чечни, ни демонстрациям поляков-католиков в поддержку бандитов, режущих на пороге Третьего тысячелетия Христа головы христиан. Ведь и польский кумир Адам Мицкевич «угас», по выражению Герцена, «где-то по дороге в Константинополь, куда он отправился устраивать польский легион», чтобы воевать на стороне цивилизованной Оттоманской империи против варварской России.

Имелся и свой «ахмед закаев»: в 1862 году в Лондоне и Париже появился некто Измаил-Баракай-Ина-Дзиаш, представитель «Черкессии», «присвоивший», как говорят документы того времени, «себе исключительную роль дипломата», и который по возвращению на Кавказ заявил, что «Европа

расположена оказывать нам помощь». Как видим, прав был Н.Данилевский в своем анализе двойных стандартов Европы: «Будет ли Шлезвиг и Голштейн датским или германским, он все-таки останется европейским; державность Европы от того не потерпит; надо быть снисходительным между своими… Но как дозволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира? (славянского, конечно) — Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка (сегодня читай — чеченского террориста) взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации».

XX век с его борьбой тоталитаризма и демократии заслонил неизменность мировых реалий, но от этого они не стали менее постоянными и лишь заставляют еще дороже расплачиваться за их игнорирование.

О планах перекройки Кавказа в начале Первой мировой войны свидетельствуют посулы младотурок, которые они раздавали российским народам в надежде на то, что «на Кавказе восстанут против русских татары, грузины и горцы». В случае успеха и «изгнания русских» младотурки обещали «на северо-западе создать автономную Грузию в пределах Кутаисской, Тифлисской, Батумской и части Трапезундской губерний», в северо-восточной части «выделить автономную мусульманскую область в составе Дагестана, Бакинской и части Елизаветпольской губерний».

В одном документе рейхсканцлера Германии накануне Первой мировой войны фон Бюлова тот витийствует, что «в войне с Россией… мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей — от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы.» Фактически эту цель двух германских «Дранг нах Остен» XX века в точности повторили англосаксы. Союзники России по Антанте сразу воспользовались большевистской революцией и временным распадом страны

В годы Гражданской войны старые русские дипломаты, имевшие дело с союзниками по Антанте, с горечью констатировали: «Осложнения с англичанами происходили на почве несомненной двуличности их политики. Подобно тому, как на берегах Балтийского моря наши прибалтийские окраины находили у Великобритании могущественную поддержку… то на берегу Черного и Каспийского морей такую же поддержку встречали и кавказские народы. Этот общий тон открыто был определен Ллойд-Джорджем в английском парламенте, когда он прямо усомнился в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России».

У предпоследнего царского министра иностранных дел С.Д. Сазонова были сведения касательно «грандиозного плана Англии, имевшего целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ должен быть буфером,

совершенно самостоятельным от России, между нею и Турцией и Персией… таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан… «Независимость» Кавказа, Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями».

Англичане появились на Кавказе и в Закавказье к ноябрю 1919 года, заняв Баку и железную дорогу до Батуми. Как писал А.И.Деникин в очерках русской смуты, «с поощрения англичан грузины заняли враждебную позицию к русским вообще и Добровольческой армии в частности». Когда простодушный полковник Роулинсон из британской военной миссии призвал горские народы подчиниться власти Деникина и Вооруженным силам Юга, указав, что противодействие — это акт недоброжелательства к союзникам, Британия публично его дезавуировала. Опубликованное обращение к министру иностранных дел Гегечгори гласило, что «мысли Роулинсона совершенно не выражают воззрений британского правительства», и Гегечгори заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России».

США декларативно стояли за сохранение единства России. В этом они заверяли как делегацию деникинской дипломатической миссии перед поездкой в Вашингтон через «личного представителя и друга» президента В. Вильсона г-на Шотуэлла, так и Народный комиссариат по внешним делам. Однако документы свидетельствуют о желании расчленения страны по извечным геополитическим стратегическим линиям. В Архиве полковника Хауза, расшифровавшем Программу из 14 пунктов В.Вильсона, Россия трактуется как «чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу народов, населявших Российскую империю». В этом новом мышлении, в лучах которого должна была померкнуть архаичная имперская мысль Старого Света, опять рассматривались переориентация Средней Азии на нового «опекуна» и структурное включение «Кавказа как части проблем Турции».

А в это время идеологическое доктринерство и геополитический нигилизм большевиков вдохновлял их на утопические расчеты. Таковыми был план через поощрение всемирной исламской революции сначала сокрушить противников пролетарской революции, а затем подчинить ее нуждам сам ислам. Большевики вооружали и финансировали националистических лидеров панисламистского и пантюркистского толка, те же имели свои цели и, лавируя между Германией, Англией и Россией, постоянно меняя покровителей, обращали полученные средства против России, территории которой и были предметом их вожделений.

Так, целью члена младотурецкого триумвирата и будущего басмача Энвер-паши было возвращение Турции утраченных позиций в Европе, на Кавказе и Азии и начало восстановления ее могущества. Ленин, Троцкий и даже хитрый Сталин соблазнились идеями Мирсаида Султан-Галиева поставить на

исламизм в рамках «стремления мусульманских народов к самоопределению», что станет затем частью всемирной социалистической федерации. Они поддались на предложения Энвер-паши подорвать позиции Англии через советизацию мусульманских окраин России. Но рапорт российского Морского агента в Турции свидетельствуют, что английский консул в Кашгаре был уверен в обратном: Энвер-паша с планами, совсем не совпадавшими с планами большевиков, прямо должен был способствовать укреплению позиций Великобритании. Так и случилось, и вскоре проекты мировой социалистической революции, разработанные в Москве, повернули на 180 градусов и грозили обернуться мировой исламской революцией, угрожавшей отнюдь не Лондону, а именно Москве.

Большевики, стремясь уничтожить враждебное революции Белое Терское казачество, жестоко расправились с ним. Оно и было первым кавказским народом, подвергнутым выселению. С начала 1914 года, когда все силы казаков были брошены на фронт, станицы подверглись чудовищному разграблению и убийствам со стороны немедленно спустившихся с гор чеченцев и ингушей. Вторая волна грабежа последовала в 1917 году. Сами пострадавшие в прошении о помощи не относили зверства на счет всех горцев, отмечая, что «всех жителей обвинять в этом позорном деле ни в коем случае не приходится, так как среди них есть самые скверные элементы, которые этим и занимаются» (ЦГА РСО). Однако большевики воспользовались услугами именно «скверных элементов», как в прошлом они пригодились Шамилю для устрашения тех, кто не хотел с ним воевать заодно.

Директива ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года таким образом определяла для партийных работников «характер их работы по воссоздании и укреплении Советской власти»: «Признать единственно правильной беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления… Провести массовый террор богатых казаков, истребив их поголовно; провести массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью… Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях».

Чтобы привлечь «скверные элементы» и «уравнять» их с казаками, «Политбюро одобрило постановление Кавказского бюро о наделении горцев землей, не останавливаясь перед выселением станиц…» (Г.К.Орджоникидзе — В.М.Квиркелия. РЦХИДНИ)

. В русле такой установки Орджоникидзе, который был самым ярым разработчиком и исполнителем жестокой и безумной по своим последствиям для государства и для русских политики на Кавказе, быстро и свирепо реагировал по телеграфу на конкретные события: «Только что узнал из

оперативной сводки, что Нестеровская занята белыми бандами при активной поддержке населения. Необходимо обрушительной быстротой выбить их оттуда и выселить всю станицу и передать их горцам… каждую восставшую станицу выселить» (1920г. ЦГА РСО).

В результате целенаправленных действий большевики констатировали новую ситуацию: «В Ингушетии в виду освобождения значительной земельной площади за переселением казаков трех станиц Сунженской линии и земли станицы Фельдмаршальской, земельный голод ингушей в текущем году может быть удовлетворен наличием указанных земель, а также имеющимися частновладельческими землями, что в среднем дает на одну душу для всей Ингушетии 21/2 десятины… (приказа N85 Тероблревкома по земельному отделу от 11 сент. 1920г., ЦГА ЧР).

Сталин с удовлетворением телеграфировал Ленину из Владикавказа: «…Выселено в военном порядке пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев. Положение на Северном Кавказе можно считать устойчивым…» (РЦХИДНИ). Казаков выселяли без средств, даже не позволив собрать урожай, обрекая их на голодную смерть. Выдержка из Протокола заседания ЦК Советов Терской области весьма типична: «Постановили: … 1) Не разрешать казакам уборку озимых хлебов; … разработать и представить план использования этого хлеба; … 4) Предложить Чеченскому окружному исполкому немедленно вселить чеченцев во все станицы, откуда выселены казаки и приступить к немедленному посеву на свободных землях этих бывших станиц (ЦГА РСО).

Все это, как сегодня очевидно, дорого обошлось русскому народу, но не только ему, но и самой Советской России и остальным чеченцам в годы Второй мировой войны. Очень вскоре сами большевики попытались остановить выходящую из-под контроля вакханалию насилия «скверных элементов» из чеченцев и ингушей уже не только над «врагами» революции, но и над собственным народом. Но в 30-е годы казачество опять подверглось репрессиям и выселению — теперь уж в русле борьбы с кулачеством.

Тем временем фашистская Германия готовилась к новому переделу мира. Докладная записка НКВД СССР «О положении в Турции и Ближнем Востоке» от 5 ноября 1940 года прямо указывала, что «в случае предполагаемого возникновения военных действий между Германией и СССР турки намерены выступить против Советского Союза с целью отторжения Кавказа и образования на его территории Второй Кавказской Федерации». С началом войны неизбежно вспыхивает бандповстанческое движение все тех же «скверных элементов», которых большевики натравливали на казаков, отдавая им земли. Обрабатывать землю те вовсе не хотели.

«Обзор материалов о банддвижении на территории бывшей Чечено-ингушской АССР» НКВД от 1943 года, перепечатанный в 1993 году, показывает сухие статистические данные о массовом дезертирстве, бандповстанческом движении и его доказанных связях с германскими диверсантами в годы войны. Это и было основанием для депортации чеченцев — способе, столь же неэффективном, сколь и сомнительном в моральном отношении. Однако следует напомнить, что США, воспринимаемые почему-то российскими либералами как правомерный ментор в межнациональных отношениях, не только истребили коренное население Америки, но в годы Второй мировой войны интернировали и держали в концлагерях сотню тысяч японцев, среди которых не было ни одного дезертира или диверсанта.

Этот далеко не полный исторический экскурс необходим для того, чтобы понимать, что такое Кавказ для России и что такое Кавказский узел в мировой политике, к которой сегодня добавилась яростная борьба за контроль над нефтяными и газовыми ресурсами и путями их транспортировки.

Чеченская война, которую Совет Европы представляет жертвой имперской политики России, имеет не только геополитический аспект. Помимо роли Кавказа для позиций на Черном море, это — объект геоэкономики, ибо основной нефтепровод в России идет через Чечню и Дагестан. Непосредственную выгоду от чеченской войны получали именно англо-американские нефтеконцерны, стремящиеся к полному контролю над путями трубопроводов из Каспийского бассейна.

Сегодня вновь осуществляется давление на Россию с двух сторон. Ползучая попытка отторжения Калининградской области — это вытеснение России с Балтики, а поддержка чеченских террористов — «вытеснение с Понта Евксинского», «двух позиций, на которых зиждется положение России как великой державы», как писал канцлер фон Бюлов. Забота о правах человека в Чечне и бережное отношение к чеченским террористам и их дипломатическим эмиссарам — не более чем фиговый листок, прикрывающий извечные устремления.

Сегодня в Чечне на карту поставлены двухсотлетняя державная работа России на Юге, условие ее позиций на Черном море, баланс сил в Евразии, судьба Крыма, восточно-христианского мира, всех, кто тяготеет к России на Кавказе и за его хребтом.

Наталия Нарочницкая

14 / 11 / 2002

https://www.narotchnitskaya.com/in-archive/%d0%ba%d0%b0%d0%b2%d0%ba%d0%b0%d0%b7%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b5-%d0%b2%d0%be%d0%b9%d0%bd%d1%8b-%d1%81%d1%80%d0%b5%d0%b4%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%be-%d0%b3%d0%b5%d0%be%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%b8.html/5